

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.33>

Никонова Екатерина Андреевна

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭССЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

В данной статье анализируются функции, реализуемые в политическом эссе. Политическое эссе находится на пересечении публицистического и газетного стилей, которые обуславливают наличие в нем воздействующей и информационной функции соответственно. Кроме того, на политическое эссе существенное влияние оказывает политический дискурс, манипулятивная природа которого содействует выдвижению воздействующей функции на первый план. Под влиянием политического дискурса наблюдаем в политическом эссе наличие манипулятивной функции. Функции политического эссе осуществляются за счет реализации субъективной и объективной модальности. При этом автор зачастую прибегает к объективации субъективного для подачи субъективной информации "под прикрытием".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 146-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 27.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.33>

В данной статье анализируются функции, реализуемые в политическом эссе. Политическое эссе находится на пересечении публицистического и газетного стилей, которые обуславливают наличие в нем воздействующей и информационной функции соответственно. Кроме того, на политическое эссе существенное влияние оказывает политический дискурс, манипулятивная природа которого содействует выдвиганию воздействующей функции на первый план. Под влиянием политического дискурса наблюдаем в политическом эссе наличие манипулятивной функции. Функции политического эссе осуществляются за счет реализации субъективной и объективной модальности. При этом автор зачастую прибегает к объективации субъективного для подачи субъективной информации «под прикрытием».

Ключевые слова и фразы: политическое эссе; воздействующая функция; информационная функция; манипуляция; субъективная и объективная модальность.

Никонова Екатерина Андреевна

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Ekatnikon2014@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭССЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Актуальность данного исследования обуславливается широким распространением языкового воздействия в современных публицистических текстах ввиду усиления информационных войн. Материалом для статьи послужили политические эссе из журнала *Foreign Affairs* за 2014-2018 гг. Новизна исследования заключается в освещении такого инструмента реализации воздействующей функции, как субъективация объективного, а также в том, что политическое эссе практически не рассматривалось с позиции использования манипулятивных приемов.

Цель данного исследования – показать реализацию функций политического эссе через модальность. При этом модальность определяем как обязательную текстообразующую категорию, представляющую собой сочетание субъективного и объективного и являющуюся отражением авторского видения мира, а также выражающую ценностные и эмоциональные установки общества. К объективной модальности относим все, что является обобщенным, дистанцированным от автора. Под субъективной модальностью понимаем все то, что характеризует авторское восприятие, содержит его оценку и транслирует его позицию.

«Эссе» является одним из наиболее сложных и неоднозначных жанров, до сих пор не получивших четкой интерпретации в лингвистике, несмотря на свою более чем четырехсотлетнюю историю. Причина этого кроется в отсутствии выраженной специфики жанра. Как отмечает М. Эпштейн, эссе не может быть приведено к какой-либо дефиниции, так как его «сверхжанровая природа» заставляет перерастать свои жанровые границы, объединять в себе одновременно черты разных стилей [10, с. 120]. Действительно, большинство исследователей указывают на синтетический характер эссе: оно вбирает в себя черты научного, художественного и публицистического стилей. Эссе как бы «балансирует между научностью, публицистичностью и художественностью, приближаясь и удаляясь от этих трех полюсов» [4], при этом сохраняя характерные черты всех трех стилей, которые проявляются в разной степени в зависимости от сферы употребления эссе, его тематики и индивидуальной манеры автора.

Большинство исследователей склоняются к тому, что эссе принадлежит публицистическому стилю. Публицистический стиль – это функциональный стиль речи, используемый для написания статей, репортажей, заметок и т.п. на общественно-политические темы. В публицистическом стиле сочетаются информационная и воздействующая функции. Автор прибегает к публицистическому стилю, когда перед ним стоит задача не только транслировать некую информацию, но и оказать воздействие на читателя (в том числе массового). Данная задача реализуется автором при помощи самых разных инструментов, например, таких как многозначность слова, ресурсы словообразования (авторские неологизмы), эмоционально-экспрессивная лексика, средства стилистического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, повторы, инверсия и т.д.) [7, с. 215]. Публицистический стиль позволяет убедить читателя «в правильности выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное не столько логически обоснованной аргументацией, сколько силой, эмоциональной напряженностью высказывания, демонстрацией тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для достижения поставленной цели» [1, с. 336].

Поскольку публицистический стиль, как считается, находится на пересечении стиля научной прозы и стиля художественной литературы, то ему свойственны, с одной стороны, характерные черты научного стиля, такие как логичность и последовательность изложения, а с другой стороны, образность и эмоциональность, широко представленные в художественном стиле. Тем не менее публицистический стиль сохраняет границы своего стиля. Как отмечает М. Н. Кожина, средства других стилей имеют здесь свою особую функцию и потому не приводят к разрушению или размыванию границ стиля [2, с. 349], в отличие от жанра

«эссе», где проявление черт разных стилей заставляет жанр выйти за рамки своих границ. Так, эссе выходит за рамки публицистического стиля под влиянием научного и художественного стилей.

Основной задачей научного стиля является стремление автора «адекватно донести до читателя описываемое явление в многообразии признаков, характеризующих это явление» [1, с. 351]. Данная задача реализуется за счет информационной функции. Нацеленность стиля на объективное и логическое изложение материала определяет черты, характерные для научной речи: «отвлеченность, обобщенность и логическая доказательность». Экспрессивность и оценочность сведены к минимуму и могут проявляться в диалогичности, использовании эмотивных и разговорных средств. В эссе находим такие черты, свойственные научному стилю, как логичность, наличие доказательной базы, апелляция к статистическим данным и фактам, точность, ясность и др. Однако широкое проявление образности и эмоциональности в эссе не дают исследователям права отнести его к научному стилю. Целесообразно лишь говорить о том, что в некоторых видах эссе (научное эссе, аналитическое эссе, философское эссе и т.д.) черты научного стиля будут проявляться в большей степени, усиливая влияние информационной функции.

Аналогичные явления наблюдаются и в отношении проявления художественного стиля. Художественный стиль – это стиль речи, основной функцией которого является эстетическая, базирующаяся на коммуникативной и реализуемая в функции образности и образности [6, с. 169]. Именно данная функция определяет ключевые черты художественного стиля (образность, метафоричность, эмоциональная окраска, субъективность), которые широко представлены в некоторых видах эссе (например, художественное эссе), в других же черты художественного стиля едва различимы. Нет достаточных оснований говорить о том, что жанр «эссе» принадлежит художественному стилю, так как, в отличие от художественного текста, эссе не создает альтернативную реальность, речь идет о реальных событиях и фактах и отношении к ним реального человека.

В рамках данного исследования считаем, что эссе принадлежит публицистическому стилю. При этом, как говорилось выше, ему могут быть свойственны черты научного и художественного стилей, что определяет его синтетический характер.

На сегодняшний день существует большое количество различных типов эссе. Ввиду своей межстилевой принадлежности эссе проникает в самые разные сферы жизни и адаптируется к разным условиям и требованиям. Каждый тип данного жанра характеризуется разной степенью проявления отличительных черт стилей, на пересечении которых находится.

Данное исследование посвящено анализу политического эссе, которое представляет особый интерес, так как объединяет в себе черты газетного и публицистического стилей и находится под влиянием политического дискурса.

Такие стилеобразующие черты газеты, как шаблонность, порождаемая ориентацией на массового читателя, однородность грамматических структур, стилистическая сухость и безэмоциональность, определяют тот факт, что в политическом эссе важную роль занимает информационная функция, реализуемая через объективную модальность. Наиболее частотным средством реализации объективной модальности в политическом эссе является использование фактологической информации (68% – анализ проводился путем сплошной выборки средств реализации модальности на примере 51 политического эссе общим объемом 523 страницы).

In August 2013, Assad launched a series of sarin gas attacks against rebel strongholds, killing 1.400 Syrians. Yet instead of responding with military strikes, Obama agreed to a Russian-brokered deal in which Assad pledged to dismantle his arsenal of chemical weapons [16]. / В августе 2013 года Ассадом был использован газ зарин против повстанцев в опорных пунктах, в результате чего погибли 1400 сирийцев. Однако, вместо того, чтобы нанести военные удары, Обама согласился на сделку, заключенную при участии России, согласно которой Ассад обязался ликвидировать имеющееся химическое оружие (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. Н.).

Использование автором фактологической информации должно отвечать требованиям точности и достоверности предоставляемой информации и выступает как средство объективности. Отсутствие эмоционально-окрашенной и оценочной лексики и экспрессии в приведенном отрывке отвечает стилистическим требованиям для осуществления информационной функции в политическом эссе. Таким образом, читатель получает необходимую информацию для понимания ситуации, однако авторская позиция остается затуманенной.

В ядре средств выражения объективной модальности также находится парентетическое внесение (9%). Однако важно отметить, что парентез может выступать как средство выражения либо субъективной, либо объективной модальности, выполняя функции усиления факта / контраста или уточнения соответственно.

Some of Trump's difficulties in advancing his agenda through executive action have been self-inflicted. Two cabinet seats – secretary of health and human services and secretary of homeland security – are vacant [11]. / Трамп сам виноват в наличии сложностей с продвижением его политической программы через исполнительные органы. Главы двух министерств – Министерства здравоохранения и социальных служб и Департамента государственной безопасности США – не назначены.

В данном примере парентетическое внесение выступает средством выражения объективной модальности, вводя дополнительную информацию. Необходимость пояснения, какие посты в правительстве США являются вакантными, говорит, скорее всего, о том, что автор рассматривает в качестве своей аудитории иностранных читателей, не столь хорошо знакомых с внутривнутриполитической ситуацией США. При помощи парентеза автор разъясняет читателю информацию, которая может показаться непонятной.

Наряду с объективностью политическому стилю свойственно субъективное авторское изложение, что определяет наличие в политическом эссе воздействующей функции, которая воплощается за счет стилистических

средств реализации субъективной модальности. Наиболее ярко субъективная модальность выражается при помощи метафор, параллельных конструкций, эмоционально-окрашенной лексики и т.д.

U.S. officials, for their part, increasingly fear that European countries will gradually lose their military capabilities and political will, abandoning their alliance with the United States in order to pacify the bully next door. Americans were especially shocked, for example, to see that even in the wake of Russia's invasion of Crimea, many European governments – including those of Germany and the United Kingdom – still chose to make further cuts to their military budgets [13]. / Американских чиновников все больше волнует тот факт, что европейские страны постепенно растеряют военный потенциал и политическую волю по мере ослабления их военного альянса с США для того, чтобы не вызывать недовольство своего «задиристого» соседа. Американцы были особенно удивлены, узнав, например, что после вторжения России в Крым правительства многих европейских стран – включая Германию и Великобританию – все еще принимают решения о сокращении военных расходов.

Одним из ключевых тезисов данной статьи является необходимость наращивания военного потенциала ЕС ввиду наличия внешней угрозы в лице России. При помощи емкой метафоры (метафоры являются одним из центральных средств реализации субъективной модальности в политическом эссе – 23%) автору удается коротко и однозначно передать ту роль, которую Россия, по его мнению, играет на мировой арене: «задира» (*bully*), который пытается запугивать европейские страны, будучи уверенным в своей силе и безнаказанности действий. Используя данное слово, автор апеллирует, прежде всего, к эмоциям адресата и тем отрицательным ассоциациям, которые оно вызывает, формируя тем самым у читателя «нужный настрой» для навязывания ему своей позиции. Таким образом, призыв автора к европейским странам в следующем предложении не сокращать, а увеличивать военные расходы может казаться более логичным и убедительным.

Одним из наиболее частотных средств реализации субъективной модальности в политическом эссе является эмоционально-окрашенная лексика (28% от общего числа средств реализации субъективной модальности), выражающая оценку автора. Ниже рассмотрим пример, взятый из статьи *Near Eastern Promise* («Ближневосточное обещание»). На протяжении всего текста автор оспаривает распространенное мнение, что вмешательство США во внутренние дела Ближнего Востока может негативно сказаться на них ввиду нестабильности региона.

The growing chaos in the Middle East has not yet affected core U.S. interests, which suggests that those officials were correct when they claimed that U.S. interests in the region were less vulnerable than often assumed. <...> And so far, most of Washington's key Middle Eastern allies, including Israel, have suffered only modestly from the regional mayhem [15]. / Нарастающий хаос на Ближнем Востоке пока не задел ключевые интересы США, что означает, что некоторые чиновники были правы, когда утверждали, что интересы США в регионе не такие уязвимые, как принято считать. <...> И до настоящего момента большинство ключевых союзников США на Ближнем Востоке, включая Израиль, лишь немного пострадали от беспредела, творящегося в регионе.

В качестве аргумента автор приводит пример, что в период «арабской весны» интересы США и их союзников лишь слегка пострадали, хотя ситуация внутри региона была действительно опасной – автор характеризует ее как хаос (*chaos*) и беспредел (*mayhem*). Использование экспрессивной лексики с четко выраженным негативным значением призвано убедить читателя, что хуже быть не может, а значит, на сегодняшний день, когда внутривосточная ситуация в странах Ближнего Востока менее критическая, то не должно быть и препятствий для развития отношений с регионом.

Модальные глаголы также являются наиболее яркими средствами реализации субъективной модальности (6%) и играют в политическом эссе важную роль в реализации воздействующей функции:

Courage and leadership are required to seize this historic opportunity, which might not come again. The opportunity must not be lost [14]. / Для того чтобы не упустить эту историческую возможность, которая может больше и не возникнуть, нужны смелость и талант руководителя. Возможность не должна быть упущена.

Автор статьи считает, что на данный момент сложились наиболее благоприятные условия для налаживания отношений с Ираном как политическим центром Ближнего Востока. Для трансляции данного тезиса автор прибегает к использованию модальных глаголов. При этом в начале автор использует модальный глагол *might* в значении низкой степени вероятности, что усиливает эффект от восприятия модального глагола *must* со значением высокой степени настойчивости, категоричности и безапелляционности в следующем предложении. Кроме того, важно отметить, что автор неслучайно выносит мысль о том, что нельзя терять возможность наладить отношения с Ираном (*the opportunity must not be lost* (возможность не должна быть упущена)) в отдельное весьма лаконичное предложение; отсутствие дополнительных членов предложения усиливает смысловую имеющихся предложений, а в особенности сказуемого (*must not be lost*). Таким образом, автор не оставляет читателю выбор, кроме как принять его субъективную позицию.

Как отмечалось выше, на политическое эссе существенное влияние оказывает политический дискурс. Отметим, что политический дискурс в последнее время приобретает все большую актуальность, в частности из-за его популяризации через СМИ, которые являются «в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации» [9, с. 32].

Под политическим дискурсом понимаем самостоятельный вид дискурса, представляющий собой совокупность коммуникативных событий, ориентированных на сферу политики и объединенных единой целью борьбы за власть [5; 9] (политический текст понимаем как часть политического дискурса). Приняв такое определение, целесообразно говорить о манипулятивной природе политического дискурса, то есть о его возможности управлять и формировать мнение адресата. Большинство исследователей выделяют такие характерные черты манипуляции, как скрытый характер, направленность на изменение установок / взглядов /

поведения адресата, осознанный характер, а также наличие негативных последствий для адресата, и определяют ее как «преднамеренное и скрытое побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» [8, с. 49]. Манипуляция – «это феномен, который представляет собой стремление изменить восприятие окружающего мира или поведение других людей при помощи скрытой, обманной тактики» [3, с. 31]. Ниже рассмотрим примеры реализации данных тактик на примере отрывка из статьи *Europe's shattered dream of order* («Разбившиеся мечты Европы об устройстве»).

В данном тексте автор прибегает к такому приему манипуляции, как «подмена аргумента». Для его выявления необходимо проанализировать законченный по смыслу отрывок:

The Ukraine crisis has forced Europeans to face up to the fact that their political model is not attractive to everyone – and certainly not to everyone in their own neighborhood. Their shock recalls that felt by Japanese technology executives at the end of the last decade, when they realized that although they manufactured the world's most advanced cell phones, they could not sell them abroad. <...>

Some dubbed this phenomenon Japan's "Galápagos syndrome," referring to Charles Darwin's observation that animals living in the remote Galápagos Islands, with their unique flora and fauna, had developed special characteristics not replicable elsewhere. Much the same could be said of Europe's order today, which evolved in an ecosystem shielded from the wider world's rougher realities – and has consequently become too advanced and too particular for others to follow.

As the Ukraine crisis drags on, Europeans must abandon their dreams of transforming foreign habitats and focus instead on protecting their own increasingly endangered one. The task won't be easy. It will require a de-escalation of tensions with Moscow and calculated compromises, such as accepting Russia's own regional integration efforts as legitimate [13]. / Кризис на Украине вынудил европейцев признать, что их политическая модель привлекательна не для каждого – и уж точно не для каждой из соседских стран. Испытанный ими шок напоминает о шоке руководящего состава ИТ-компании Японии в конце прошлого десятилетия, когда они поняли, что хоть и производят самые технологичные мобильные телефоны, они не могут продавать их за границу. <...>

Многие называли этот феномен японским «галапагосским синдромом», ссылаясь на наблюдение Ч. Дарвина о том, что животные, проживающие на удаленных Галапагосских островах с их уникальной флорой и фауной, развили особенные черты, которых нет ни у каких других животных. То же самое можно сказать и о политическом устройстве в Европе, которое превратилось в самостоятельную экосистему, защищенную от жестоких реалий остального мира, и постепенно стало слишком прогрессивным и особенным, так что не все могут его перенять.

Пока украинский кризис продолжается, Европе необходимо оставить свои мечты трансформировать иностранные среды обитания, а сосредоточиться вместо этого на своей, находящейся под нарастающей угрозой. Это задача не из простых. Потребуется постепенно свести на нет напряжение в отношениях с Россией, а также данные ей обещания, такие как признание ее попытки региональной интеграции легитимной.

Автор утверждает, что политическая и социальная система ЕС не может быть использована в качестве образца другими странами, так как Европа достигла исключительного уровня совершенства и развития. Далее автор прибегает к манипулятивному приему разрыва логической цепи, не приводя никаких аргументов в доказательство данного тезиса (не находят аргументы и при текстовом анализе статьи), и внимание читателя переключается на идею о необходимости самозащиты ЕС в условиях украинского кризиса. Таким образом, читатель принимает авторский тезис, не требуя доказательств. В навязывании читателю своей позиции автор также прибегает и к другим инструментам манипуляции. Он воздействует на эмоциональное восприятие читателей при помощи сравнения: ЕС сравнивается, во-первых, с Японией, абсолютным мировым лидером в сфере современных технологий, и во-вторых, с животными Галапагосских островов, уникальными и уязвимыми (автор прибегает к художественному сравнению), – что позволяет навязать читателю идею об исключительности ЕС. Кроме того, автор использует повтор *too advanced and too particular*, который помогает акцентировать внимание читателя на том, что ЕС *слишком* прогрессивный и особенный. Убедив читателя в уникальности ЕС, автор транслирует не менее важный для него тезис – Европе как уникальному явлению надо сосредоточиться на самозащите от внешних агрессоров. Здесь он прибегает к модальному глаголу *must* в значении высокой степени необходимости и наречию *increasingly* («нарастающая» (угроза)), усиливающему восприятие крайней степени незащищенности Европы.

В целом манипулятивные приемы имеют самое разное воплощение, в том числе и через объективацию субъективной информации, так как автор стремится воздействовать на читателя, сохраняя при этом видимую объективность. Проанализируем реализацию данного приема на примере статьи *China vs. America* («Китай против США»). В данном эссе анализируется взаимоотношение Китая и США. Распространенным является мнение, согласно которому Китай рассматривается как страна на пути к формированию либерального правопорядка (*...many seek comfort in the conviction that as China grows richer and stronger, it will follow in the footsteps of Germany, Japan, and other countries that have undergone profound transformations and emerged as advanced liberal democracies* [12]. / ...многие довольствуются мыслями о том, что по мере того, как Китай будет становиться богаче и сильнее, он пойдет по пути Германии, Японии и других стран, которые пережили основательные изменения и стали прогрессивными либеральными демократиями); пока же Китай не стал страной, разделяющей западные демократические ценности, он может представлять угрозу. Однако автор эссе имеет свою точку зрения: не стоит считать, что Китай примет западную модель развития, так как он

является одной из наиболее древних цивилизаций со своими культурными особенностями, что необходимо учитывать при оценке поведения страны на международной арене, а также при выработке внешнего курса в отношении Китая. Автор транслирует свою позицию, стараясь изменить отношение читателей к Китаю, заставить их посмотреть на него с нового ракурса. С этой целью он прибегает к самым разным инструментам реализации манипулятивной функции, в том числе объективации личной позиции, чтобы придать ей в глазах читателей правдоподобность и убедительность.

Так, автор отмечает, что и США, и Китаю свойственно чувство «исключительности» (*Each sees itself as exceptional* [Ibidem]. / Каждый из них считает себя исключительным). Для США эта идея находит свое воплощение во внешней политике страны и выражается в чувстве культурного превосходства над другими (*the sense of cultural supremacy* [Ibidem] / чувство культурного превосходства). Для Китая же идея «исключительности» является неотъемлемой частью многовековой культуры и потому «более глубокой», естественной, проявляющейся во всех сферах: *In some ways, Chinese exceptionalism is more sweeping than its American counterpart* [Ibidem]. / В каком-то смысле китайское чувство исключительности более глубокое, чем американское; *To this day, Chinese take great pride in their civilizational achievements* [Ibidem]. / До сих пор Китай сильно гордится своими цивилизационными достижениями. В подтверждение того, что идея «исключительности» имеет в Китае многовековые корни, автор приводит цитату из книги историка Гарри Гэлбера: *The [Chinese] empire saw itself as the center of the civilized universe... the Chinese scholar bureaucrat did not think of a 'China' or a 'Chinese civilization' in the modern sense at all. For him, there were the Han people and, beyond that, only barbarism. Whatever was not civilized was, by definition, barbaric* [Ibidem]. / [Китайская] Империя считала себя центром цивилизованной Вселенной. <...> Китайские ученые не думали о «Китае» или «Китайской цивилизации» так, как это принято сегодня. Для них существовали только представители народности хань, а за ее пределами – лишь варварство. По их определению, все, что не было цивилизованным, было варварским. Здесь стремление автора выдать свою позицию за научно подтвержденный факт находит отражение в объективации своего мнения инструментами объективной модальности, в частности цитированием историка, что придает высказыванию автора большую весомость.

Безусловно, культурные особенности Китая сказываются на его внешней политике. Так, Китай убежден в том, что он – неотъемлемая часть Вселенной. *China, by contrast, sees itself as a fixture of the universe: it always was; it always will be* [Ibidem]. / Китай, напротив, видит себя неотъемлемой частью Вселенной: он всегда был; он всегда будет. Здесь автор прибегает к повтору и нарастанию для усиления эмоционально-смысловой тональности и параллелизму, который играет важную экспрессивную роль и призван убедить читателя в позиции автора. В подтверждение своих слов автор ссылается на исторический факт, за которым прячет свое мнение, выдавая его за истину: *For instance, since 1949, Taiwan has been ruled by what Beijing considers rogue Chinese nationalists. Although Chinese leaders insist that Taiwan remains an integral part of China, they have pursued a long-term strategy involving tightening economic and social entanglements to slowly suck the island back into the fold* [Ibidem]. / Например, с 1949 года Тайванем руководили, как считал Пекин, неотесанные китайские националисты. И хотя лидеры Китая утверждали, что Тайвань остается неотъемлемой частью Китая, они придерживались долгосрочной стратегии, которая предусматривала осложнение экономического и социального положения Тайваня с целью его постепенного возвращения. Таким образом, Китай не склонен предпринимать быстрые и агрессивные решения даже в неприемлемых для него ситуациях. Рассматривая себя как что-то столь же постоянное, как Вселенная, Китай предпочитает действовать постепенно (*slowly suck*) даже в условиях сложных политических конфликтов, как в случае с Тайванем.

По мнению автора, при выработке внешней политики в отношении Китая необходимо учитывать, что Китай ввиду своих культурных особенностей, о которых говорилось выше, действует достаточно осторожно и продуманно (*Policymakers in the United States are beginning to recognize that they must improve their understanding of China – especially Chinese strategic thinking* [Ibidem]. / Руководство США начинает осознавать, что ему необходимо научиться лучше понимать Китай – особенно китайское стратегическое мышление), в связи с чем не стоит опасаться необоснованной агрессии Китая. Для подкрепления своего тезиса автор «маскирует» свое мнение за мнением эксперта, ссылаясь на Киссинджера: *A skilled Chinese strategist spends most of his time patiently “observing and cultivating changes in the strategic landscape” and moves only when everything is in optimal alignment* [Ibidem]. / Хороший китайский стратег проводит большую часть своего времени, терпеливо «наблюдая и развивая изменения в стратегическом ландшафте», и действует лишь тогда, когда условия для этого оптимальны.

Итак, в политическом эссе сосуществуют публицистический и газетный стили, обуславливающие реализацию воздействующей и информационной функции в тексте данного вида текста. Информационная функция играет важную, но второстепенную роль, обуславливает наличие объективной модальности в тексте политического эссе и позволяет транслировать адресату беспристрастную информацию. Под влиянием политического дискурса наблюдается усиление воздействующей функции и прирастание манипулятивной функции. При этом воздействующая и манипулятивная функции занимают центральное место в политическом эссе, что обуславливает доминирование субъективной модальности (по результатам исследования было установлено, что соотношение субъективной и объективной модальности в тексте политического эссе составляет 67% и 32% соответственно), так как при помощи средств ее реализации происходит трансляция авторской позиции и его личностного видения проблемы / ситуации, а также навязывается данное мнение читателю. Одним из распространенных средств оказания воздействия на читателя является объективирование субъективного, когда автор, не желая напрямую высказывать свою позицию, выдает собственное мнение за факт.

Список источников

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
2. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта; Наука, 2008. 464 с.
3. Левковская Н. А. Декларативные и манипулятивные способы воздействия на адресата через оппозицию «свой-чужой» в политическом тексте // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4 (12). С. 30-35.
4. Лямзина Т. Ю. Жанр эссе (к проблеме формирования теории) [Электронный ресурс]. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm (дата обращения: 08.05.2018).
5. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 252 с.
6. Никитина Н. В. Эстетическая функция художественного стиля // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 168-172.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
8. Соловей В. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо, 2017. 320 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
10. Эпштейн М. Н. Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени) // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 120-153.
11. Binder S. How to waste a congressional majority // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. № 1. P. 78-87.
12. Graham A. China vs. America // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96. № 5. P. 80-90.
13. Krastev I., Leonard M. Europe's shattered dream of order // Foreign Affairs. 2015. Vol. 94. № 3. P. 48-59.
14. Mohammad Javad Zarif. What Iran really wants // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. № 3. P. 49-60.
15. Pollack K. M., Ray T. Near Eastern Promise // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. № 3. P. 92-106.
16. Yarhi-Milo K. After Credibility // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97. № 1. P. 68-78.

**THE FUNCTIONAL ASPECT OF A POLITICAL ESSAY
(BY THE EXAMPLE OF ENGLISH POLITICAL DISCOURSE)**

Nikonova Ekaterina Andreevna

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
Ekatnikon2014@yandex.ru*

The article analyzes the functions realized in a political essay. The political essay is at the intersection of journalistic and newspaper styles, which determine the presence of the influencing and informational function in it, respectively. In addition, the political essay is significantly affected by political discourse, the manipulative nature of which contributes to the promotion of the influencing function to the fore. Under the impact of political discourse, we observe the existence of the manipulative function in the political essay. The functions of the political essay are carried out through the implementation of subjective and objective modality. At the same time, the author often resorts to subjective objectification for submission of subjective information "under cover".

Key words and phrases: political essay; influencing function; informational function; manipulation; subjective and objective modality.

УДК 81'25

Дата поступления рукописи: 20.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.34>

Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать особенности перевода узкоспециальной финансово-экономической терминологии по направлению «экономика фирмы», тонкости ее интерпретации. В работе отражена актуальность проблематики перевода деловой специальной лексики с английского на русский язык, в частности рассматриваются приемы перевода безэквивалентной лексики. Отдельное внимание уделяется базовым приемам перевода терминов в текстах финансовой отчетности, используемым для адекватной передачи безэквивалентной терминологии с английского на русский язык.

Ключевые слова и фразы: узкоспециальная терминология; безэквивалентная лексика; тексты финансовой отчетности; приемы и проблемы перевода; транслитерация; калькирование.

Панкова Татьяна Николаевна, к. филол. н.
*Воронежский государственный университет
pankova@rgph.vsu.ru*

**АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА
УЗКОСПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЭКОНОМИКА ФИРМЫ»**

В настоящее время актуальность перевода узкопрофессиональных понятий и терминов не подлежит сомнению. Данный факт обусловлен мощными глобализационными процессами, расширением и развитием